

“Устойчивое развитие” или “Стратегия переходного периода”

Моисеев Н.Н.

Моисеев Н.Н. Экология и образование. - М.: "Юнисам", 1996.

На конференции в Рио-де-Жанейро был декларирован принцип “sustainable development”. Он пришел из биологии (точнее, из “биологической экологии” и популяционной динамики) и был использован лет десять назад Комиссией Брутланд.

Это выражение получило впоследствии не только биологический, но и экономический контекст. Новый термин трудно перевести на русский язык. Я думаю, что ближе всего по смыслу к этому термину выражение “допустимое развитие”. Во всем мире вокруг него возникло много различных спекуляций, связанных с его неоднозначной трактовкой и благодаря тому, то выражение “sustainable development”, родившееся как научный термин, постепенно приобрело еще и политический контекст.

Особенно неудачна его трактовка в России, где выражение “sustainable development” переведено как “устойчивое развитие”, что породило многочисленные и опасные иллюзии и даже решения правительственного уровня, трактующие современные экологические трудности как нечто преодолемое технологическими средствами и относительно простыми правительственными решениями.

Представляется жизненно важным разобраться в смысле этого термина, освободить его от политических наслоений и придать ему смысл и содержание, отвечающее научному представлению о современном этапе взаимозависимости природы и общества. Не менее важно связать его биологический (экологический) смысл с современными взглядами на особенности энвйронментальных проблем и возможностями человека влиять на их развитие.

Так как термин “sustainable development” вошел теперь в словарь “экологической арифметики”, то совершенно необходимо, чтобы он обрел универсальный смысл, т.е. во всех странах понимался одинаково. Отсюда и необходимость его широкого международного обсуждения.

Я полагаю, что речь должна идти не о замене термина, уже вошедшего в обиход, а о наполнении понятия “устойчивое развитие” единообразным научно обоснованным содержанием, о его адаптации к современному научному мировоззрению.

В этом я вижу не только методологический, но и чисто прагматический смысл, поскольку это позволит понятию “устойчивое развитие” послужить основой для практической деятельности.

В основе всех рассуждений о возможных путях будущего развития общества и характере его развития, как в общепланетарной ситуации, так и при анализе локальных перспектив, должно лежать представление о том, что человек является естественной составляющей биосферы, что он возник в результате ее эволюции и на него, как и на остальные живые виды, распространяются законы развития биосферы. Как и любой живой вид, человечество имеет свою экологическую нишу, т.е. свою систему взаимоотношений с окружающей средой, законы развития которых человек обязан

учитывать в своей практической деятельности и отступление от которых чревато для общества последствиями катастрофического характера.

Это утверждение мне кажется тривиальным, и я его воспринимаю в качестве исходного постулата для всех рассуждений. Однако его последовательное использование приводит к ряду весьма неординарных выводов, многие из которых могут встретить неприятие или стать предметом дискуссий.

Одно из эмпирических обобщений, относящихся к развитию живого мира, гласит: если какой-либо вид оказывается монополистом в своей экологической нише, то он неизбежно переживает экологические кризисы, направленные на восстановление в ней равновесия, нарушенного монополистом. На модельном уровне это впервые продемонстрировал Вольтера.

Как правило, результатом экологического кризиса, который вызван видом-монополистом и всегда связан с нарушением равновесия внутри экологической ниши, может быть один из двух исходов.

Вид, который в силу тех или иных причин сделался монополистом, как правило, быстро исчерпывает ресурсы своей экологической ниши и терпит бедствие. В этом случае его численность резко сокращается. Он еще способен какое-то время как-то приспособлять свой образ жизни и свои биологические характеристики к новым условиям, стремится восстановить свое утраченное равновесие с остальными компонентами экологической ниши, но это далеко не всегда ему удается и чаще всего происходит прекращение развития вида. Такая ситуация означает начало деградации вида. При этом, разумеется, вид утрачивает свое монопольное положение в нише. Он может и полностью исчезнуть.

Другой исход – расширение экологической ниши и соответствующее изменение своего образа жизни и своей организации (как биологической, так и надорганизменной, т.е. общественной). При таком исходе развитие вида может продолжаться и вид способен сохранять свое монопольное положение в новой, расширенной экологической нише.

Развитие человечества тоже следует этому закону, тем более что оно, как биологический вид, уже давно обречено на монополизм. А в последнее столетие активная деятельность людей стремительно меняет весь облик планеты. Еще в начале века В.И. Вернадский говорил о том, что человек превращается в основную геологообразующую силу планеты. Его монополизм стал беспрецедентным. Поэтому экологические кризисы в истории человечества неизбежны. А поскольку его ойкуменой (не нишей, а именно ойкуменой) является в настоящее время вся планета, то эти кризисы должны носить глобальный характер и сказываться на судьбе всей биосферы, и не только на судьбе живого вещества. Другими словами, экологические кризисы человечества оборачиваются перестройкой не только биосферы, но и всей верхней оболочки планеты. Кризисы человечества превращаются в эпохальные события истории Земли.

На нынешнем этапе своей истории человечество должно научиться их предвидеть и создавать новую экологическую нишу, изменяя свой образ жизни, свои потребности и характер активной деятельности.

Человечество сделалось монополистом, вероятнее всего, еще на заре палеолита, когда было изобретено метательное оружие и люди овладели огнем. Поэтому за свою долгую историю оно пережило, по-видимому, несколько экологических кризисов. И поскольку человечество продолжало развиваться, оно неоднократно меняло и расширяло свою экологическую нишу. Об этой предыстории человечества мы мало что можем

сказать, но об одном из кризисов нам доподлинно известно, ибо он произошел накануне голоцена, незадолго до начала писанной истории, и положил начало современной цивилизации (т.е. около 10-12 тысяч лет тому назад). В литературе он получил название неолитического кризиса и носил практически общепланетарный характер.

В начале неолита люди были прежде всего охотниками (и собирателями). Однако в связи с усовершенствованием оружия человечество весьма быстро, может быть, даже за одно – два тысячелетия, извело всех крупных копытных и мамонтов – основу своего пищевого рациона времен раннего неолита, и охота уже не могла больше обеспечить пропитание людей. Человек оказался на грани голодной смерти и был обречен на деградацию. Он имел и реальный шанс совсем исчезнуть с лица Земли, как исчезали многие другие биологические виды. Судя по всему, многие популяции наших предков были на грани исчезновения.

Однако в целом судьба *homo sapiens* оказалась иной. Человек изобрел земледелие, а несколько позднее и скотоводство, т.е. начал создавать искусственные биогеохимические циклы – искусственный круговорот веществ в природе. Тем самым он качественно изменил свою экологическую нишу и положил начало той цивилизации, плодами которой мы пользуемся сегодня и которой обязаны теми трудностями, преодолев которые мы вряд ли сможем сохраниться на Земле как биологический вид.

Процесс создания новой экологической ниши в преддверии голоцена носил стихийный характер. И человечество за “победу” над кризисом заплатило огромную цену: население Земли сократилось, вероятно, во много раз – не только в результате голода, но и опустошительной бескомпромиссной борьбы за ресурс, за сохранившиеся охотничьи угодья в первую очередь.

Собственно, только после неолитической революции (т.е. преодоления экологического кризиса) и произошло выделение человека из остальной природы – он перестал жить так, как живут другие живые существа. Еще в палеолите человек вписывался в естественный круговорот веществ в природе. После появления земледелия, скотоводства, а потом и использования полезных ископаемых он сам начал активно вмешиваться в его формирование, создавать искусственные биогеохимические циклы, вовлекать в круговорот вещества, накопленные былыми биосферами: ископаемые углеводороды, железо и другие полезные ископаемые. А сегодня человек уже добрался даже до тех энергетических ресурсов, которые появились на Земле в самый ранний период ее существования как небесного тела – до запасов ядерной энергии.

И тем не менее представление человека о своем месте в природе мало чем отличается от тех, которые имел человек, живший в начале неолита. То же самое, вероятно, можно сказать и о его психической конституции, уровне агрессивности, сформировавшихся еще в период ледниковых эпох, когда человеку приходилось охотиться на мамонтов. И это рассогласование могущества цивилизации и природных задатков человека, может быть, самая главная трудность, которую придется преодолеть обществу для обеспечения своего будущего.

Уровень монополизма человечества в последнее столетие возрос многократно. Использование могущества цивилизации для его укрепления превратилось в доктрину. Ее концентрированным выражением является знаменитое утверждение Ф. Бэкона о том, что наши знания и наше могущество имеют своей основной целью служение покорению природы. К этому можно добавить знаменитое мичуринское: “Мы не можем ждать милостей от природы...”

Таким образом, в эпоху голоцена антропогенез шел по линии формирования цивилизаций, все более противопоставлявших природу и общество.

Теперь, в конце XX века, есть все основания думать, что возможности любых современных цивилизаций, основы которых возникли на заре голоцена, и соответствующие им "миропонимания потребителей природных богатств" близки к исчерпанию. А может быть, уже и исчерпаны: стремление к властвованию на основе представления о безграничной неисчерпаемости природных ресурсов привело человечество на грань катастрофы.

Это означает не только то, что новый экологический кризис общепланетарного масштаба неизбежен, но и то, что человечество стоит перед неизбежной цивилизационной перестройкой, перестройкой всех привычных нам начал. По-видимому, и менталитет человека, и многие характеристики его психической конституции уже не соответствуют его новым условиям жизни и должны быть изменены.

Иными словами, мы стоим на пороге нового витка антропогенеза, подобного тому порогу, который человечество перешагнуло в конце неолита – по меньшей мере!

Но если тогда процесс утверждения новых форм жизни и формирования новой экологической ниши мог развиваться стихийно, то теперь, когда человечество владеет ядерным оружием и другими средствами массового уничтожения, такой стихийный процесс приведет практически к полному уничтожению человечества. В самом деле, утверждение новой экологической ниши будет сопровождаться борьбой за ресурс, жизненно необходимый людям. И трудно поверить, что в этой борьбе не будут задействованы все возможные современные средства, которыми располагает человек.

Если положиться на волю стихии, то наступающий кризис выльется, скорее всего, в уничтожение человечества! Значит, стихии развития должна быть противопоставлена некая разумная СТРАТЕГИЯ, общая для человечества.

Вот почему единственную альтернативу действию стихийных сил, если угодно – "общепланетарного рынка", я вижу в разумном целенаправленном развитии планетарного сообщества, смысл которого людям еще придется расшифровать. Во всяком случае, стихийный процесс самоорганизации должен войти в некое русло с весьма жесткими берегами.

Но прежде чем начать говорить о его целенаправленном развитии надо представить себе цель развития и направления наших усилий, понять смысл того взаимоотношения природы и общества, которое необходимо для предотвращения катастрофы, содержание их взаимной адаптации, способной обеспечить продолжение истории рода человеческого.

Я думаю, что эта проблема, которая постепенно вылилась в представление о ноосфере, уже давно привлекает внимание мыслителей.

Первым, кто во всей остроте сформулировал идеи эпохи ноосферы, был В.И. Вернадский; первым, кто произнес слово "ноосфера", был Ле Руа; первым, кто начал широко обсуждать особенности, которыми должна обладать эта эпоха, был Тейяр де Шарден. В конце XX века этой проблеме посвящено уже множество работ.

И постепенно трактовка понятий "ноосфера" и "эпоха ноосферы" потеряла первоначальную однозначность.

Сегодня получил широкое распространение термин "коэволюция человека и биосферы". Тот исходный смысл, который вкладывали в понятие "эпохи ноосферы" В.И. Вернадский и Тейяр де Шарден, в основных чертах, как мне представляется, эквивалентен представлению о коэволюции человека и биосферы. Во всяком случае, если опустить целый ряд тонкостей, коэволюцию мы сегодня воспринимаем в качестве условия, необходимого для сохранения человечества в составе биосферы, т.е. выживания человека на планете.

На этом основании я предлагаю понятие "эпохи ноосферы" отождествлять с тем временем, когда состояние природы и общества будет способно обеспечить режим коэволюции, а целью современной цивилизации считать формирование общества, способного реализовать условия коэволюции.

На основании сказанного мне представляется, что термин "sustainable development", который мы переводим как "устойчивое развитие", следует интерпретировать как СТРАТЕГИЮ перехода к такому состоянию природы и общества, которое мы можем характеризовать термином "коэволюция" или "эпоха ноосферы".

Для того чтобы такое понимание устойчивого развития имело содержательный смысл, необходимо еще расшифровать термин "коэволюция природы и общества". И это совсем не просто!

Это – специальная тема, разработка которой требует совместных усилий представителей естествознания, общественных наук и специалистов, занимающихся проблемами мировоззрения.

Я думаю, что это действительно наиболее фундаментальная тема современного научного знания, и она будет стержнем науки наступающего столетия.

Большинство исследователей, занимающихся энвиронментальными проблемами, сходятся на том, что состояние коэволюции общества и окружающей среды должно иметь в своей основе необходимость включения жизнедеятельности человека в стабильные биогеохимические циклы биосферы. Такое состояние не будет состоянием равновесия в обычном термодинамическом смысле слова. Это будет некоторое квазиравновесие, характерные времена которого должны быть настолько большими, чтобы общество оказалось способным адаптироваться к неизбежно изменяющимся условиям обитания. Другими словами, эти времена должны быть значительно большими, чем время жизни одного поколения.

На это общность взглядов исследователей и заканчивается, причем даже само понятие естественного цикла не расшифровывается, хотя оно и весьма дискуссионно. Кроме того, рассуждения об особенностях эпохи ноосферы ограничиваются чаще всего лишь общими рассуждениями, что, впрочем, вполне естественно, ибо расшифровка понятия коэволюции требует глубокого и систематического (не просто многолетнего, а постоянного) исследования. А наши знания о содержании этого феномена пока еще крайне ограничены.

Тем не менее просматриваются две достаточно полярных позиции.

Одна из крайних идей – это идея автотрофности человека, т.е. возможности создания целиком искусственной цивилизации, независимой от состояния биосферы (или даже вне биосферы) и "прихотей" ее развития. Автотрофность предполагает, что жизнь человека определяется им же созданными условиями жизни (искусственными биохимическими циклами).

Эта идея высказывалась многими представителями русского космизма. Ее активным поборником был К.Э. Циолковский. С большим интересом к идее автотрофности относился В.И. Вернадский. Правда, он говорил о ней с большой осторожностью.

Другая крайняя точка зрения – человек должен научиться вписываться в уже существующие “естественные циклы”. Одним из активных поборников этой точки зрения (может быть, и не в самой ее категоричной форме) является В.Г. Горшков (см.: Горшков В.Г. Энергетика биосферы и устойчивость состояния окружающей среды // Итоги науки. Сер. География. Т. 7. М., 1990).

Существует и целый ряд “промежуточных” научных позиций, носящих чисто прагматический характер. К их числу относится концепция, изложенная в фундаментальном сочинении “Проблемы экологии России”, изданном по редакцией В.И. Данилова-Данильяна, в ряде работ В.М. Котлякова (см., например: Котляков В.М. Сохранение биосферы – основа устойчивого развития общества // Вестник РАН. 1994. №3).

Каждая из этих позиций дает определенный ракурс видения проблемы и содержит полезные соображения. Но ни одна из них, как мне представляется, не является достаточно удовлетворительной, чтобы служить основанием для интерпретации термина “sustainable development”.

Я думаю, что ближе всего к необходимой научной и гражданской позиции точка зрения, развиваемая М.Е. Виноградовым, Г.Е. Михайловским и А.С. Мониным (см.: Виноградов М.Е., Михайловский Г.Е., Монин А.С. Вперед к Природе // Вестник РАН. 1994. № 9). Однако, на мой взгляд, и в ней недостает некоторых важных соображений.

Но обо всем по порядку.

Я думаю, что проблема автотрофности во всей ее полноте лежит вне науки: человечество рождено биосферой в процессе ее эволюции, и представлять свое существование вне естественной биосферы, в некоторой искусственной среде (даже в обозримом будущем) можно только в фантастических рассказах. Биосфера без человека существовала и может существовать, человек вне биосферы существовать не может – этот тезис должен быть принят в качестве аксиомы.

Но это совсем не значит, что из программы научных исследований проблемы “устойчивого развития” должно быть исключено изучение возможных искусственных биогеохимических циклов и даже “искусственных биосфер”, как это делают сейчас в Америке. И не только в программе подготовки к космическим полетам. Такое направление может иметь совершенно утилитарный характер в разработке перспективных технологий будущего общества.

Но в то же время политики и общество в целом должны быть четко проинформированы о том, то, каким бы важным ни было техническое и технологическое совершенствование основы цивилизации, никакого чисто технического или технологического решения проблемы будущности человечества быть не может. Принципиально. Такая возможность – чистая иллюзия, причем весьма опасная: она уводит людей от поиска практически реализуемых решений.

Человеку предстоит изменить характер своей жизни и свое положение в биосфере – это тоже постулат, к реализации которого люди должны быть готовы.

Другая крайняя точка зрения, которую я бы назвал "назад в Природу", также представляется совершенно не реалистичной. Безусловно, правы те исследователи, которые считают, что человечество может развиваться только в условиях существования более или менее стабильных биогеохимических циклов. Правы они и в том, что эти циклы не должны истощать существенно запасы невозобновимых ресурсов, многие из которых очень ограничены. Но некоторые положения такой "природонеистощительной" концепции должны формулироваться совершенно отчетливо. И главным из них является следующее: возврат человечества к структуре биогеохимических циклов "дикой природы" невозможен!

Его справедливость демонстрирует тривиальный пример. Современные потребности человечества в энергии могут быть покрыты источниками возобновляемой энергии (гидроэнергетика, энергия ветра и др., т.е. в конце концов за счет Солнца) лишь на 10—12%. Значит, для того чтобы человечество могло вписаться в естественные циклы биосферы, необходимо следующее: либо количество жителей планеты должно быть уменьшено раз в десять, т.е. не превосходить 500—600 млн. человек, либо потребности каждого из жителей планеты должны быть сокращены тоже раз в десять!

И это в среднем. А потребности американца должны быть снижены, вероятно, раз в пятьдесят! Надо ли говорить, что обеспечить в современных условиях такое равновесие – невозможно!

Значит, оба эти крайние решения утопичны!

Но существует еще целый ряд концепций, об опасности неосторожного обращения с которыми я хотел бы предупредить неискушенного читателя, тем более что они кажутся весьма привлекательными. Лейтмотив этих работ следующий. Природоохранная деятельность, имеющая своей целью сохранение биосферы, и есть основа устойчивого развития общества.

Заметим, что такая точка зрения чрезвычайно распространена – и не только в широких кругах населения, но и, что еще опаснее, среди политиков. И особенно среди тех, кто стоит у кормила власти. Она по существу утверждает, что если мы научимся не загрязнять окружающую среду промышленными отходами и не разрушать живой мир, то и будущность наша гарантирована. Это заблуждение, чреватое грозными последствиями.

Кто спорит: сохранение биосферы – условие абсолютно необходимое. Но не достаточное! Нельзя путать условия необходимое и достаточное!

И самое главное – достаточных условий мы пока не знаем. Их, вероятнее всего, сейчас, в условиях современной технологии и современных цивилизационных норм – современной системы нравов, мы сформулировать просто не в состоянии! Может быть, в один прекрасный день, если человечество сумеет перейти в эпоху ноосферы, такие условия возникнут.

Ситуация гораздо серьезнее, чем об том принято говорить и чем это говорилось на конгрессе в Рио-де-Жанейро. Мы еще многого не знаем, но одно очевидно – преодоление кризиса чисто технологическими и техническими средствами, подчеркиваю это еще раз, невозможно. Безотходные технологии необходимы, но их недостаточно для преодоления экологического кризиса!

И этот тезис должен быть заявлен с самых высоких трибун.

Таким образом, человечество стоит перед беспрецедентной задачей – выработкой СТРАТЕГИИ своего выживания на планете. Это стратегия перехода к эпохе ноосферы, т.е. к реализации условий коэволюции Природы и общества. Я не исключаю, что этот переходный период будет тянуться всю остальную историю человечества, что эпоха ноосферы – лишь некоторое асимптотическое состояние природы и общества, если, конечно, уместно здесь говорить об асимптотическом состоянии.

И я убежден, что разработка и реализация этой СТРАТЕГИИ будет важнейшей задачей человека на вечные времена. Для такого утверждения аргументов более чем достаточно.

СТРАТЕГИЯ будет касаться всех сфер жизни людей – технического развития, культуры, образования, формирования новой нравственности... В рамках СТРАТЕГИИ придется изменить всю систему общественных и межстрановых отношений, шкалы ценностей и т.д. Вот почему я и склонен считать, что человечество стоит на пороге нового витка антропогенеза.

И вопрос лишь в том, произойдет ли он стихийно, когда этот переход будет связан с кровью, уничтожением значительной части человечества (а, может быть, и его полной гибелью – завершением антропогенеза), или путем реализации некой оптимальной СТРАТЕГИИ перехода, разработанной коллективным интеллектом человечества.

Я не стремлюсь искать замену термину “ sustainable development” и даже предлагать другой перевод его на русский язык, который заменил бы явно неудачное “устойчивое развитие”, поскольку мы его не можем реализовать в принципе. Но полагаю совершенно необходимым придать ему иной смысл: устойчивое развитие – это реализация СТРАТЕГИИ человека, его пути к эпохе ноосферы, т.е. к состоянию коэволюции общества и природы.

А об устойчивом развитии в его банальной трактовке следует просто забыть: и человечество в целом, и каждая страна в отдельности будет встречать и преодолевать многочисленные кризисы, взлеты и падения; это будет путь непрерывных поисков, а не устойчивое развитие. И к этому надо быть готовым.

И чем лучше будет научно выверена СТРАТЕГИЯ, тем безболезненнее будут кризисы. А они будут неизбежно случаться, ибо человек либо погибнет, либо сохранит свой монополизм в природе! А в условиях монополизма кризисы неизбежны – человек не Бог и ему не дано предвидеть все извилины того процесса, который называется самоорганизацией материального мира, к которому принадлежит и человеческое общество.

Новый виток антропогенеза, который я предлагаю называть этапом перехода к эпохе ноосферы, будет качественно отличаться от предыдущей истории человечества. В чем я вижу это качественное отличие (если этот переход состоится)? Для ответа на такой вопрос мне придется снова обратиться к некоторым исходным положениям универсального эволюционизма.

В основе любого развития лежит ОТБОР. В мире косной материи его реализуют законы Природы – законы физики и химии. Они из различных виртуальных возможностей отбирают те, которые могут реализоваться. В живом мире к этим общим законам добавляются специфические принципы отбора, которые я полагаю уместным называть РЫНКОМ. Этот механизм отбора уже не столь жесткий, как в косной материи – в нем нет законов типа закона сохранения количества движения, нарушить который не может даже Бог! РЫНОК – это система соревнований, отбирающих наиболее приспособленных сегодня

к сегодняшним условиям жизни. Это значит, что будущее развитие определяют характеристики живого мира, отвечающие сиюминутным предпочтениям. Опыт, накопленный ранее (особенно в обществе), даст некоторый индивидуальный горизонт предвидения, не меняющийся, однако, сколько-нибудь значительно сущности РЫНКА. Другого механизма отбора Природа пока не изобрела. Тот рынок, о котором пекутся экономисты, является лишь частным случаем этого всеобщего РЫНКА.

Опираясь на подобные взгляды универсального эволюционизма, смысл моего утверждения я могу свести к двум предположениям.

Первое. На новом витке антропогенеза жизнь человека будет управляться новым типом РЫНКА, обладающим определенным горизонтом предвидения.

Второе. В структуре принципов отбора будут фигурировать интересы наших потомков.

Другими словами, дальнейшее развитие на Земле вида *homo sapiens* необходимо требует качественного совершенствования механизма эволюции. А это не может произойти стихийно, необходимо целенаправленное действие коллективного интеллекта человека, возникающего в результате самоорганизации Универсума как инструмент его самопознания, и ВОЛИ ЛЮДЕЙ. Еще подчеркну: стихийный переход к этому новому типу развития материального мира исключен! Во всяком случае, для человека.

Мне кажется, что подобная гипотеза почти очевидна и может быть подкреплена большим числом эмпирических обобщений. Однако предлагаемую позицию приемлют далеко не все, особенно на Западе, где царит иллюзия универсальности тривиального рынка. И именно в этом я вижу основную ущербность современной западной культуры, сохранившей в своей глубине постулаты протестантской этики, разрешавшей платить за скальпы индейцев и дикого рынка эпохи Клондайка, когда шла война всех против всех!

“Надо ли нам учитывать интересы наших потомков, если они наших интересов никак не могут учитывать!” -- вот, может быть, несколько утрированная позиция последователей Ф. Хайека. Всякое отвлечение от тривиального рынка, любое проявление коллективизма, социальные программы и даже простое христианское милосердие считаются “путем к рабству”. Таково сверхталантливое убожество мысли, принадлежащей, увы, не одному Ф. Хайеку.

В этой ограниченности рыночной философии и в широком (может быть, неискоренимом) распространении ее наиболее примитивной интерпретации я вижу основную угрозу человеческому будущему.

Мы действительно стоим на развилке цивилизационных путей. Один – это предельный животный эгоизм и индивидуализм, оперирование лишь сиюминутными категориями. Другой я бы назвал путем “героизма” и возрождения древних традиций, призывающих жертвовать частью настоящего во имя будущего наших детей.

Может быть, предложенная дихотомия даст излишне рафинированное представление о возможном выборе цивилизационных путей. Действительность богаче любой схемы, но последняя четче выделяет потенциальные опасности.

Выбор первого пути обрекает человечество на более или менее быструю деградацию. Она будет проходить по-разному в разных странах, но весьма мучительно для всех. Хотя для некоторых из них на каком-то небольшом отрезке времени она, может

быть, и будет сопровождаться устойчивым развитием – как Рим во времена последних императоров.

Выбор второго пути дает человечеству шанс использовать дарованный ему Природой Разум. Но для ее реализации нужны общее согласие и реализация потенциальной способности людей к созданию коллективной, общепланетарной СТРАТЕГИИ.

И совсем не очевидно, сможет ли человек обеспечить такой согласие и найти рациональное соотношение рынка и целенаправленности, соотношение, позволяющее реализовать СТРАТЕГИЮ.

Кроме того, выбор второго пути потребует новых знаний, выработки с их помощью новых парадигм существования и коллективной воли для их реализации. И самое главное – должна быть изменена шкала ценностей.

На ее основе нам придется построить новую экономическую науку – политэкономия переходного периода. Механизм ценообразования должен будет учитывать тот ущерб, который мы сегодня будем наносить следующим поколениям. Я думаю, что теоретики в области экономической науки найдут необходимые решения – они уже просматриваются. Но будут ли люди им следовать: ведь рынок, рынок с маленькой буквы, просто так, решением ООН отменить нельзя, и найдутся ли необходимые механизмы для управления им?

Новые знания будут формировать и новые ограничения, новые табу. Берега реки человеческих стремлений и энергии при этом неизбежно станут сужаться. А это также неизбежно заставит деформировать рынок и постепенно придавать ему необходимый горизонт предвидения. И людям придется во все большей степени согласовывать свои действия с общецивилизационными требованиями.

Но экономика – это еще не главное в жизни общества. Необходима его умная организация и такая структура власти (властей), которая способна обеспечить и формирование СТРАТЕГИИ, и ее реализацию.

Это такая организация общества, такая форма демократии, которая выдвигает на ответственные роли людей образованных, способных блюсти интересы общества в целом. Другими словами, необходимость реализации принципа “устойчивого развития” ставит нас перед новым демократическим выбором и приданием слову “демократия” нового смысла.

Не следует приуменьшать трудностей организации общества. Нам позволяет их увидеть наш собственный российский опыт. Мы знаем, что такое госсocialизм, вырождающийся в диктатуру узкого слоя номенклатурных деятелей и ведущий в конце концов общество к упадку. Мы видим уже и некоторые плоды утвердившейся “демократии по-российски”, явно не способной к мышлению необходимыми категориями, ибо это тоже диктатура. В лучшем случае, диктатура невежественного большинства над меньшинством; меньшинством, которое желает блага и даже СПАСЕНИЯ этому большинству.

К какой организации общества мы должны стремиться и какая из них возможна? Может быть, это и есть центральная из тех проблем, которые после конгресса в Рио-де-Жанейро мы объединяем термином “sustainable development”.

Подведем некоторые итоги.

Понятие "устойчивое развитие" следует рассматривать в качестве синонима термина "стратегия перехода общества к состоянию, способному обеспечить его коэволюцию с биосферой".

Если мы принимаем этот тезис, то появляется цель, а вместе с ней возникает более или менее отчетливая программа действий, во всяком случае, начальных шагов. И первое в ней – обсуждение возможных концепций понятия коэволюции, установление по отношению к нему некоторого общественного консенсуса. Без этого все остальные действия будут малоэффективны и бессмысленны. Главное в организации управляемого процесса – формулирование цели!

Обсуждение концепции должно касаться целого ряда очень разных вопросов.

1. Изучение некой "идеальной ситуации", которая при современном уровне техники способна обеспечить режим совместного развития биосферы и человека. Такая ситуация заведомо не может быть реализованной, однако она покажет направление необходимых усилий.
2. Разработка вариантов СТРАТЕГИИ и их анализ с позиций реализуемости.
3. Анализ возможных общественных устройств, способных реализовать СТРАТЕГИЮ.
4. Построение основ новой политэкономии.
5. Просвещение общества, ибо только грамотное и по-настоящему интеллигентное общество способно выйти на режим коэволюции, и т.д.

Может быть, проблемам просвещения и образования следует отдать и главный приоритет. В самом деле, формирование цели требует ясности понимания ситуации, а это невозможно без образования.

Наряду с этими общими проблемами, не дожидаясь получения более или менее законченного результата, надо инициировать и повседневную, очень будничную работу. И прежде всего следующее:

1. Разработка вариантов технологического перевооружения производительных сил.
2. Анализ современной модернизационной волны, ее перспективы и оценка возможных реакций тех или иных цивилизаций.
3. Резкое усиление роли государственного начала в управлении рыночной экономикой и др.

Еще раз хочу напомнить: среди конкретных проблем в программе "Устойчивое развитие" на первое место я бы поставил экологическое образование. Эта совокупность проблем должна иметь абсолютный приоритет.

Я умышленно ничего не сказал об охране природы. Мне кажется, что это азбучная и саморазумеющаяся истина. Но ее усвоение также требует определенного уровня образованности.